

СТРУКТУРА АРХИТЕКТУРНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

УДК 001:72.03

ББК 85.11в

Д.С. Данилов

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Саратов, Россия

Аннотация

Во второй половине XX века одним из наиболее влиятельных направлений философии науки становится постпозитивизм. Представителями этого направления были введены термины «парадигма» и «научная рациональность», а развитие науки в истории представлено в виде последовательно сменяющих друг друга парадигм, научных рациональностей или научно-исследовательских программ. Развитие архитектуры также нелинейно и выражено в последовательной смене архитектурных стилей, однако механизм смены и формирования архитектурных стилей не очевиден. За основу статьи принята гипотеза о том, что и архитектура, и наука развиваются по схожим принципам, что позволяет применить к архитектуре методологию постпозитивизма.¹

Ключевые слова: архитектурный стиль, развитие архитектуры, аутопозис архитектуры, постпозитивизм, Томас Кун, Имре Лакатос

THE STRUCTURE OF ARCHITECTURAL REVOLUTIONS

D. Danilov

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

Abstract

In the second half of XX century, postpositivism becomes one of the most influential schools of the philosophy of science. Exponents of postpositivism have introduced the terms "paradigm" and "scientific rationality". According to the postpositivism development of science in history is a sequence of successive «paradigms», «scientific rationalities» or «research programs». The development of the architecture is a sequence of architectural styles, however, the mechanism of change and the formation of architectural styles is not evident. The basis of this article is the hypothesis that architecture and science evolve according to similar principles, which allows us to apply the methodology of postpositivism to the architecture.²

Keywords: architectural style, development of architecture, autopiesis of architecture, postpositivism, Thomas Kuhn, Imre Lakatos

Во второй половине XX века одним из наиболее влиятельных направлений философии науки становится постпозитивизм³. Представителями этого направления были введены термины «парадигма» и «научная рациональность», а развитие науки в истории

¹ **Для цитирования:** Данилов Д.С. Структура архитектурных революций // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 35-43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/03_danilov/index.php

² **For citation:** Danilov D. The Structure of Architectural Revolutions. Architecture and Modern Information Technologies, 2017, no. 4(41), pp. 35-43. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2017/4kvart17/03_danilov/index.php

³ Основные представители направления – Карл Поппер (1902-1994), Томас Кун (1922-1996), Имре Лакатос (1922-1974), Пол Фейерабенд (1924-1994), Стивен Тулмин (1922-2009).

представлено в виде последовательно сменяющих друг друга парадигм, научных рациональностей или научно-исследовательских программ. Развитие архитектуры также нелинейно и выражено в последовательной смене архитектурных стилей, однако механизм смены и формирования архитектурных стилей не очевиден. В качестве основы данной статьи принята гипотеза о том, что и архитектура, и наука развиваются по схожим принципам, что позволяет нам применить к архитектуре методологию постпозитивизма.

Прежде чем доказать состоятельность этой гипотезы, необходимо ответить на вопрос – что представляет собой такое явление как архитектура с позиции современных научных взглядов на общество и его развитие?

Значительный шаг в понимании архитектуры как социального явления был сделан теоретиком параметрической архитектуры Патриком Шумахером⁴ в его фундаментальном труде «Аутопоззис архитектуры» [5,6]. В своей работе Шумахер основывается на «Теории социальных систем» немецкого социолога Никласа Лумана.

Общество в теории Лумана представляет собой всеобъемлющую социальную систему. Социальная система неоднородна и состоит из подсистем, которые различаются на основе «функциональной дифференциации» – основного способа различения социальных систем. Общество, таким образом, состоит из следующих подсистем⁵: искусство, наука, образование, политика, право, экономика, масс-медиа, медицина, религия, мораль. Каждая подсистема общества представляет собой «аутопоззис»⁶, систему с уникальной функцией, обладающую способностью к самореференции, способную «от-дифференцировать» себя от среды, на основе присущего только ей смысла.

Основой каждого аутопоззиса и принципом их различения является выделенная Луманом атомарная единица социальной системы – коммуникация. Деление общества на аутопоззисы основывается на том, что коммуникации могут нести в себе различные смыслы, коды. Так, например, аутопоззис права основан на коммуникации имеющей код правомерно/не правомерно. Аутопоззис науки оперирует кодом – правда/ложь, а аутопоззис архитектуры (которым Патрик Шумахер дополнил теорию Лумана) оперирует кодами *красоты и пользы*.

Аутопоззис – относительно обособленная часть общества, со своим дискурсом, выполняющая присущую только ей уникальную функцию, решая важные для всего общества задачи и поддерживая его существование (подобно органу в живом организме). «Так, политическая партия не интересуется ни тем, чистят ли зубы ее члены по утрам, вечерам и еще днем; ни почему листья зеленые; ни как небесные светила сохраняют равновесие. Социальная система может определять свои смысловые границы более или менее открыто и прозрачно, но тогда она должна вводить внутренние правила отбора, позволяющие принимать или отклонять темы» [3, с.181].

Каждая отдельная функциональная система общества является операционально и структурно закрытой (относительно своего устройства), но одновременно каждая такая

⁴Патрик Шумахер (Patrik Schumacher) – теоретик архитектуры, провозгласивший параметризм, директор Zaha Hadid Architects. Применил теорию Никласа Лумана для описания процессов, протекающих в архитектуре.

⁵ В своих работах Никлас Луман выделяет от 8 до 11 социальных систем. В данной работе приведён наиболее распространённый вариант классификации.

⁶ *Аутопоззис* – термин, введенный в начале 1970-х годов чилийскими учёными У. Матураной и Ф. Варелой, означающий процесс самопостроения, самовоспроизводства живых существ, в том числе человека, который отличается тем, что организация этого процесса порождает в качестве продукта их самих без разделения на производителя и продукт.

система чувствительна к внешним раздражителям (воздействию других систем), но только на своих основаниях, фильтруя поступающую извне информацию.⁷

Таким образом, *архитектура – это аутопоэзис, который включает в себя коммуникации с кодами красота и польза (beauty and utility)*. Соответственно наука – аутопоэзис включающий в себя коммуникации с кодом истина/ложь.

Коды и функции – основы аутопоэзиса, которые остаются неизменными на протяжении всей истории, одновременно с этим аутопоэзис на протяжении истории изменяется вместе с изменением общества, т.е. существует некая неизменная часть и наряду с ней изменяющаяся. Процесс жизни аутопоэзиса это не просто процесс постепенного развития, а процесс чередования периодов относительной стабильности и резких скачков. В аутопоэзисе науки – процесс развития, это процесс смены научных парадигм, научно-исследовательских программ, научных рациональностей и т.д. В архитектуре процесс развития выражается в смене архитектурных стилей.

Несмотря на то, что в основе всех аутопоэзисов лежат уникальные коды и каждый аутопоэзис выполняет уникальную функцию аутопоэзисы развиваются схожим образом. Для прояснения механизма смены архитектурных стилей автор считает возможным применить к архитектуре методологию постпозитивизма, обратившись в качестве основы к трудам Томаса Куна и Имре Лакатоса. Кун и Лакатос рассматривают развитие науки (аутопоэзис науки по Луману) и вполне правомерно соотнести их модели развития науки с процессом развития архитектуры.

Несмотря на то, что в основе теоретических концепций Лакатоса и Куна лежат схожие идеи они достаточно сильно разнятся. Томас Кун в своём главном труде «Структура научных революций» описывает развитие науки как процесс последовательной смены *парадигм*, продолжает и одновременно оспаривает идеи своего учителя Карла Поппера о росте научного знания как процессе «перманентной революции». Процесс смены парадигм, возникающий в периоды научных революций – это, прежде всего, процесс смены систем ценностей, разных способов решения задач-головоломок, разных способов измерения и наблюдения явлений, разных практик, и таким образом, формирования новой научной картины мира.

Для любых парадигм можно найти аномалии, которые отменяются в виде допустимой ошибки либо же просто игнорируются. Согласно теории научных революций, когда накапливается достаточно данных о значимых аномалиях, противоречащих текущей парадигме, научная дисциплина переживает кризис. В течение этого кризиса испытываются новые идеи, которые, возможно, до этого не принимались во внимание или вовсе были отменены. В конце концов формируется новая парадигма, которая приобретает собственных сторонников, и начинается интеллектуальная «битва» между сторонниками новой парадигмы и сторонниками старой.

«Столкнувшись с аномалией или кризисом, учёные занимают различные позиции по отношению к существующим парадигмам, а соответственно этому изменяется и природа их исследования. Увеличение конкурирующих вариантов, готовность опробовать что-либо ещё, выражение явного недовольства, обращение за помощью к философии и обсуждение фундаментальных положений – все это симптомы перехода от нормального исследования к экстраординарному» [1, с.97].

⁷ Изучение взаимодействия общества и архитектуры не является целью данной статьи, более подробно на эту тему можно прочитать в статье Данилов Д.С. Архитектура и архитектурный стиль в контексте «Теории социальных систем» Никласа Лумана // Architecture and Modern Information Technologies. – 2016. – №3(36) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marhi.ru/AMIT/2016/3kvart16/danilov/abstract.php>

По терминологии Куна, когда научная дисциплина меняет одну парадигму на другую, это называется «научной революцией» или «сдвигом парадигмы». Архитектурный стиль подобен научной парадигме. На стыке двух стилей происходит коренной перелом, перестройка аутопоэзиса архитектуры – своеобразная «архитектурная революция». Вводятся новые основания стиля, обосновывается новая эстетика, новые методы и средства решения архитектурных задач.

Иную, не менее важную для нас модель развития науки предлагает Имре Лакатос. Лакатос – также ученик Карла Поппера, вступает в полемику и с Поппером, и с Куном: «С точки зрения Поппера, изменение научного знания рационально или, по крайней мере, может быть рационально реконструировано. Этим должна заниматься логика открытия. С точки зрения Куна, изменение научного знания – от одной “парадигмы” к другой – мистическое преобразование, у которого нет и не может быть рациональных правил. Это предмет психологии (возможно, социальной психологии) открытия. Изменение научного знания (согласно Куну – *прим. авт.*) подобно перемене религиозной веры» [2, с.10].

Согласно К. Попперу, развитие науки – это процесс «перманентной революции», а по Т. Куну научная революция – это исключительное явление, происходящее на стыке двух парадигм, тогда как по Имре Лакатосу развитие науки – это процесс постоянной конкурентной борьбы между научно-исследовательскими программами. Научно-исследовательская программа – это не Куновская парадигма и не единичная теория, а последовательный ряд теорий, связанных друг с другом непрерывностью, единым основанием. Исследовательская программа складывается из методологических правил: «отрицательная эвристика» – правила, указывающие, каких путей исследования стоит избегать и «положительная эвристика» – правила, указывающие, каких путей следует придерживаться.

Исследовательская программа состоит из «жесткого ядра» – отрицательная эвристика, и «защитного пояса» – положительная эвристика. Гипотезы защитного пояса могут изменяться и приспособляться под натиском нападков, разрушение «жесткого ядра» программы означает её гибель и приводит к её замене на другую, конкурирующую программу. Однако замена одной исследовательской программы происходит только при условии: «дает ли новая теория новую, добавочную информацию по сравнению со своей предшественницей, и укреплена ли (эмпирикой – *прим. авт.*) какая-то часть этой добавочной информации?» [2, с.58].

Исследовательская программа «рациональна» и «важна», до тех пор, пока она способствует приросту научного знания, пока она в прогрессивной стадии и обладает предсказательной силой (способностью успешно предсказывать ещё неописанные явления). Если же исследовательская программа все свои силы тратит на «латание концептуальных дыр», которые возникают вследствие нападков конкурирующих программ, бесконечно усложняя свою структуру, предсказательная способность программы падает и прироста научного знания не происходит, программа находится в регрессирующем состоянии («кризис парадигмы» по Куну). Далее «жесткое ядро» программы разрушается, и научно-исследовательская программа заменяется на ту, что обладает большей потенциальностью к приросту научного знания.

По Куну теория рушится из-за нарастающего количества противоречий, задач головоломок, однако Лакатос говорит о том, что количество ошибок (а может и несогласованности между теорией и практикой) не имеют отношения к смене исследовательской программы – ошибочной может быть и та и другая теория (ни одна теория не отражает всей полноты истины), однако это не мешает развитию науки.

Если по Куну на каждом этапе развития науки парадигма представляет собой единственную «структуру» занимающую доминирующую позицию в научном сообществе, то по Лакатосу развитие науки – это процесс плюралистической борьбы между множеством исследовательских программ. По Куну периоды «нормальной науки»

преобладают над исключительными моментами «научных революций», по Лакатосу процесс борьбы и нападков представителей одной «научно-исследовательской программы» преобладает над редкими моментами безраздельной власти одной программы. Кун и Лакатос пишут об одном явлении, акцентируя внимание на различных аспектах. Куновские парадигмы больше схожи с «рациональностями» Степина [4], чем с «научно-исследовательскими программами» Лакатоса. Парадигмы включают в себя ряд научно-исследовательских программ, понятие парадигмы шире понятия научно-исследовательской программы.

Какое отношение всё это имеет к архитектуре? *Парадигмы в архитектуре – это эпохальные архитектурные стили*, такие как барокко, эклектика, модернизм и т.д. *Архитектурные «научно-исследовательские» программы*, в зависимости от точки зрения, *могут являться как «подстилями»* внутри эпохального стиля (парадигмы), так и эпохальными стилями, и даже самим аутопоззисом архитектуры.

В истории архитектуры друг друга сменяют периоды безраздельного правления одного единственного стиля (например, классицизм) и периоды плюрализма (например, эклектика). Конечно, классицизм включает в себя множество «подстилей», творческих манер отдельных школ и авторов, однако все они «сцеплены» друг с другом прочнее, чем в следующий период. И в период эклектики, безусловно и очевидно, существует единое основание всей этой массы, казалось бы, вразнобой движущихся стилей. Существует два «режима функционирования» аутопоззиса архитектуры, две категории стилей: стили догматичные – периоды безраздельного правления жёстко детерминированного стиля, и стили плюралистичные, функционирующие в более широком диапазоне. В период максимального разнообразия в эпоху эклектики существовало более десятка подстилей: неоренессанс, необарокко, неорококо, неоготика, неовизантийский и неомавританский стили и т.д. и их комбинаций. Ближе к концу эпохи эклектики количество подстилей на основной архитектурной арене сократилось до двух конкурирующих – неоготика и неоклассика. В итоге первенство выиграл авангардный модернизм, идеи которого разрабатывались и находились «в тени». Модернизм – принципиально новое направление, наиболее полно отвечающее новой эпохе. С началом доминирования модернизма цикл развития архитектуры «догматизм-плюрализм-догматизм» замкнулся. Данный процесс можно представить в категориях дарвинистского подхода – период плюрализма – вариация, переход от плюрализма к догматизму – селекция, догматизм – стабилизация.

Патрик Шумахер выделяет два «уровня» архитектуры – *авангард и мейнстрим*⁸. Авангардные идеи архитектуры существуют на протяжении всей истории, в моменты зарождения новых стилей они просто переходят из уровня авангарда на уровень мейнстрима, тем самым вызывая к себе повышенный интерес. Авангардная архитектура появляется благодаря изменениям внешних условий, благодаря изменениям в обществе. Каждый большой стиль сменяет предыдущий подобно смене парадигм в теории Куна и стили борются друг с другом за первенство подобно научно-исследовательским программам в теории Лакатоса.

Каждый новый этап развития науки даёт новую «добавочную информацию», наука прогрессирует. Подобно науке развивается техника, каждый раз предоставляя всё более совершенные и эффективные средства достижения обществом его целей. Однако законы развития применимые к науке применимы не ко всем аутопоззисам.

Представители формально-стилистического подхода к изучению искусства и архитектуры выделяют на протяжении истории *маятникообразное колебание между двумя типами стилей*. Два состояния архитектуры: линейное–живописное, тектоническое–контр-тектоническое и т.д. были выявлены и проанализированы представителями формально-

⁸ Мейнстрим (англ. *mainstream* – основное течение) — преобладающее направление в какой-либо области деятельности.

стилистического метода с крайней степенью тщательности. Каждый автор выдвигал свою уникальную терминологию для объяснения одних и тех же явлений. Это: оптическое и гаптическое у Ригля, пластический и живописный стили Шмарзова, полнота и форма Панофского, объёмное и плоскостное Гильдебрандта, рациональное и декоративное Орельской, Генрих Вёльфлин, ввёл пять пар категорий и т.д. Все авторы говорят об одних свойствах стиля, с различных позиций, ставя во главу угла наиболее важные в понимании каждого автора свойства формы, однако ни одна из этих пар категорий не является настолько нейтральной, всеобъемлющей и точной, чтобы принять её за основную. Автор предлагает подчиниться сложившейся традиции и ввести новые термины, но более нейтральные, чем линейное-живописное, оптическое-гаптическое и т.д. Можно говорить о некоем соотношении функционального и формального в архитектуре. Архитектор либо творит, создавая новый язык архетипических форм, и в этом случае он отталкивается, в первую очередь, от функции, либо заимствует, усложняет, синтезирует формы архитектуры и отталкивается от формы как таковой. Во главе архитектурной формы и процесса её проектирования стоит в одном случае – функция, в другом – форма. Конечно, в чистом виде одно без другого невозможно, но баланс между этими двумя составляющими меняется на протяжении истории. Назовём два этих «модуса» стилей – «формализм» и «функционализм». Так на протяжении рассматриваемого периода можно выделить следующие две группы стилей:

Функционализм – романский стиль, архитектура Возрождения, классицизм, модернизм, параметризм. Стили с жёстко детерминированными законами формообразования, стили «сухие», аскетичные, строгие и лаконичные, преимущественно в монохромной цветовой гамме.

Формализм – готика, барокко, эклектика, постмодернизм. Стили со свободной композицией, «нарядные», живописные, праздничные и переусложнённые, преимущественно в полихромной цветовой гамме.

Как два «режима» функционирования архитектуры соотносятся с теориями Куна и Лакатоса? Можно предположить, что периоды формализма – это периоды поиска нового основания архитектуры, периоды конкурентной борьбы, однако формалистический стиль, хоть и более разнообразный, но всё же достаточно целен и устойчив. Такое сопоставление так же не объясняет, почему в периоды формализма сама архитектура становится «формальной». Эта сторона архитектуры не поддается законам применимым к развитию аутопоэзиса науки. В самом основании науки заложено стремление к прогрессу. Однако мы не можем сказать того же об архитектуре. Можно ли говорить о прогрессировании архитектуры на протяжении всей истории как о прогрессировании науки, тогда какой архитектурный стиль более прогрессивен? Постановка такого вопроса, видимо, вообще не имеет смысла. Стили не поддаются сравнительной характеристике, стили равноценны.

На протяжении развития архитектуры формализм сменяет функционализм, и наоборот. Каждый новый стиль отрицает базовые характеристики предыдущего (и далее по закону «двойного отрицания»). Те же процессы происходят в развитии искусства. По тем же принципам развивается и философия, и мировоззрение, и мораль.

Все аутопоэзисы делятся на две большие группы:

– *материалистические* – аутопоэзисы к которым применимо то, о чём неоднократно писал Маркс – человечество никогда не отказывается от более эффективных способов удовлетворения своих потребностей. Аутопоэзисы, в которых есть «экономическая» целесообразность, эти аутопоэзисы развиваются «вверх» ступенями, каждая последующая ступень, объективно превосходит предыдущую. После замены новой моделью старые этапы развития системы уже не актуальны;

– *духовные* – аутопоэзисы к которым сравнительные характеристики вообще не применимы, или их применение бессмысленно. Развитие духовной культуры

характеризуется маятникообразным движением. Духовная культура никогда не теряет актуальности. Всегда актуально искусство всех времён, архитектура, философия (та её часть, которая не стала частью аутопоззиса науки). Духовная культура – культура чувства, иррационального, метафизических переживаний.

Наиболее наглядный пример материалистического – это развитие промышленности. Не возникает сомнений, что в рамках одной локальной цивилизации промышленность всегда прогрессирует. Невозможно себе представить, что кто-то, руководствуясь принципом максимизации доходов и минимизации расходов, станет примерять технологии вековой давности, при условии, конечно, что современные доступны.

В духовной культуре иначе. Живопись Ренессанса спустя половину тысячелетия не теряет актуальности, она вызывает всё также восхищение и всё также будоражит умы. Но если восхищаться можно и древними техническими изобретениями (хоть и только с ретроспективной точки зрения), в духе искусства Ренессанса можно творить и сейчас. Художников – приверженцев классического академического искусства – огромное количество. Духовная культура не теряет своей актуальности. Конечно, можно говорить о том, что приравнивание наивной наскальной живописи и живописи, опять же, Эпохи Возрождения недопустимо. Недопустимо оно потому, что не существует чисто материальных и чисто духовных аутопоззисов. Духовное и материальное не изолированно друг от друга, но существуют аутопоззисы в которых одно начало преобладает над другим. В искусстве присутствует и материальная составляющая. Мы превозносим живопись Ренессанса над живописью наскальной сопоставляя друг с другом «реалистичность» изображения, а реалистичность в искусстве – это элемент технический, а не духовный. Духовное равно по своей ценности.

Также наука, казалось бы, область в которой чувствам не должно быть места, если только не в качестве объекта исследования. Но и в науке присутствует духовный аспект, он проявляет себя, например, в те периоды, когда признаётся возможность иррационализма и релятивизма, в теориях, в которых концептуальные бреши заполняются метафизикой.

Может показаться, что архитектура прогрессирует и с художественной точки зрения тоже. Мы можем сказать, что архитектура Возрождения превосходит архитектуру греческой архаики, но в действительности это вопрос именно «техники» эстетического, техники репрезентации и т.д. В истинно художественном начале архитектурные стили несопоставимы. *Архитектура не является чисто материалистическим аутопоззисом.*

Материальная составляющая архитектуры прогрессирует, а духовная проходит попеременно два «режима» функционирования. Можно верить и в человека, и в богов, и в идолов, во что угодно, можно придерживаться философских учений древности и творить исключительно в духе классической школы живописи, несмотря на то, что подавляющее большинство всё-таки придерживается современных взглядов. Можно бесконечно восхищаться архитектурой любой эпохи, но в романском стиле с использованием устаревших технологий строить никто не станет. *Архитектура не является и чисто духовных аутопоззисом.*

Архитектура является тем аутопоззисом, который сочетает в себе оба начала в равных долях, если это соотношение вообще можно как-то измерить, по крайней мере в архитектуре обе составляющие выражены в эксплицитной форме, в виде двоичного кода польза/красота. *Архитектура является материалистическим и духовным аутопоззисом одновременно.*

Материальная составляющая архитектуры развивается «вверх», от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному. Развитие материального подобно развитию науки, описанному Куном и Лакатосом. Материальное стремится к «перманентной революции» и развивается «ступенями». Когда модель устройства

материальной составляющей аутопоэзиса обрабатывает все свои прогрессивные ресурсы и впадает в кризис она не выходит из него до того момента, когда появится новая, лучшая парадигма, которая обладает большей потенциальностью к росту.

Духовная составляющая архитектуры развивается иным образом, в моменты кризиса материального начала, духовное реагирует по закону отрицания, она отрицает рациональное, функциональное начало и декларирует принципы, противоположные предшествующей эпохе, переходит в «режим» формализма. Аутопоэзис находится в этом состоянии пока не появляется новая прогрессивная парадигма. С наступлением нового, более прогрессивного стиля, духовная составляющая архитектуры переходит в «режим» функционализма, а материальная составляющая выходит из кризиса обретая новую парадигму. Возможно, в эти моменты можно говорить о некоем приближении духовного к рациональным материалистическим позициям.

И в духовной и в материальной составляющей мы можем выделить в первой фазе – доминирование одной парадигмы, во второй – плюралистическую картину соперничающих «исследовательских программ». Но если периоды формализма и кризиса совпадают, то, может быть, и духовная часть архитектуры в периоды кризиса материальной находится в упадке? Т.е. «формализм» является выражением кризиса духовного в архитектуре, а в периоды стабильного развития материальной составляющей духовная также развивается, находясь в режиме «функционализма». В этом случае мы можем попытаться ввести оценочный критерий в «художественную» сторону архитектуры. Да, такой соблазн возникает, однако автор намерен отказаться от таких субъективных оценок. Для человека, живущего в период «функционализма», будет понятна и любима каждая эпоха «функционализма», и наоборот. И каждое новое поколение будет приводить свои убедительные доводы в пользу той или иной позиции – это «дело вкуса», который формируется под воздействием социальной системы, функционирующей в том или ином режиме.

Объективной оценки в этих вопросах так же дать нельзя, т.к. не существует наблюдателя вне социальной системы, который одновременно обладал бы должным уровнем компетенции в данном вопросе. Или же можно предположить, что некий старец, который «захватил» несколько эпох, мог бы дать окончательный ответ. Таким «старцем» от архитектуры можно по праву считать Филипа Джонсона, который с удивительной лёгкостью менял свои убеждения на противоположные, от приверженности модернизму, к постмодернизму, а затем и к деконструктивизму, и если бы прожил ещё десятилетие, видимо, сделал бы это снова.

В архитектурных коммуникациях материальное и духовное выражается в виде кодов. Если в науке, искусстве и других аутопоэзисах либо материальное, либо духовное выражено в имплицитной форме, то в архитектуре оба основания сосуществуют на равных правах. Именно это делает архитектуру чуть более «уникальной» чем другие аутопоэзисы.

Помимо этого, развитие архитектуры подчинено множеству других факторов, архитектор в отличие от, например, художника, не может творить повелеваясь только внутренним порывам. Каждая коммуникация включает множество различных кодов, благодаря чему архитектура имеет большую или меньшую «диффузную область» со всеми аутопоэзисами. Такое свойство коммуникации обеспечивает связность всех аутопоэзисов. Перестройка структур аутопоэзисов происходит согласованно и почти одновременно, подобно цепной реакции. В период выхода из кризиса материальной составляющей общества и перехода духовной в рациональное состояние происходит сдвиг парадигмы в каждой подсистеме общества и полная перестройка общества в целом. Именно полная перестройка требуется для перехода архитектуры в новое состояние, для победы нового, ещё недавно авангардного функционального стиля над старым доминирующим.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2009. – 310 с.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 235 с.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.
4. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. – С.249 – 295.
5. Schumacher P. The Autopoiesis of architecture. Vol.1. A new framework for architecture. – United Kingdom, London: Willey & Sons, 2011. – 498 s.
6. Schumacher P. The Autopoiesis of architecture. Vol.2. A new agenda for architecture. – United Kingdom, London: Willey & Sons, 2012. – 715 s.

References

1. Kuhn T. *Struktura nauchnyh revolutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, 2009, 310 p.
2. Lakatos I. *Falsifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skih programm* [The Methodology of Scientific Research Programmes]. Moscow, 1995, 235 p.
3. Luhmann N. *Sotsialnye sistemy. Oчерk obschey teorii* [Introduction to the Theory of Society]. Saint-Petersburg, 2007, 648 p.
4. Stepin V. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya. :Postneklassika: filosofiya, nauka, kultura* [Classics, non-classical, post-non-classical: criteria of discrimination. Post-Classics: Philosophy, Science, Culture]. Saint-Petersburg, 2009, pp. 249-295.
5. Schumacher P. The Autopoiesis of architecture, vol.1. A new framework for architecture. United Kingdom, London, Willey & Sons, 2011, 498 p.
6. Schumacher P. The Autopoiesis of architecture, vol.2. A new agenda for architecture. United Kingdom, London, Willey & Sons, 2012, 715 p.

ОБ АВТОРЕ

Данилов Даниил Станиславович

Аспирант, кафедра Архитектура, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., Саратов, Россия

e-mail: daniil_92@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR

Danilov Daniil

Postgraduate Student, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

e-mail: daniil_92@inbox.ru